

ние произведений на язык рациональных понятий, поскольку «смыслы для непосвященных лежат в запредельном мире» (с. 161).

Многие истины в редуцированном виде воспроизводятся не только в современной поэзии монгольских народов, но в мировой художественной культуре в целом. Универсальную притягательность буддийской художественной антропологии Л. С. Дампилова справедливо объясняет отсутствием в ней «эсхатологического напряжения», а также сверхуважением к человеку, способному встать над жизненными обстоятельствами, видеть невидимое, слышать неслышимое.

Отдельную главу Л. С. Дампилова посвятила «постмодернистской» «ветви» монгольской литературы, справедливо принимая в расчет, что любая, даже самая традиционная культура имеет свой авангардный полюс, нацеленный на смелые художественные эксперименты, демонстративный разрыв с архаикой, ироничное переосмысление классических текстов. Специфика «монгольского постмодернизма» наиболее полно рассмотрена в монографии на текстовом материале весьма оригинального постсоветского поэта Баатарына Галсансуха — выпускника Литературного института им. М. Горького. Как показывает исследовательница, «протестантский настрой» заявлен молодым автором в эпатажных заголовках сборников — «Столетняя война за обновление поэзии» (2003), «Четыре постмодернистских сезона» (2005), «Советы Богу» (2007) и др. По своему открешиваясь от литературы «люмпен-пастухов», Б. Галсансук насыщает поэтические тексты реалиями современной американской и европейской культуры, интертекстуальными отсылками к русским и зарубежным поэтам, в особенности к И. Бродскому. Но несмотря даже на такую высокую степень сознательной «отчужденности» автора от национальной почвы, в глубинных слоях его творчества, как и других «степных авангардистов», все же сохраняется этногенетический код, не растворимый во времени.

Таково общее содержание монографии Л. С. Дампиловой, сумевшей внести заметный вклад в современную ориенталистику, встроить обстоятельно изученный «космо-психо-логос» азиатских кочевников в систему общепланетарного «мультиверсума».

*З. А. Кучукова,
доктор филологических наук (г. Нальчик)*

Значимое исследование мифологизма в бурятской поэзии

Булгутова И. В. Бурятская философская лирика: мифопоэтические основы и традиции: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 178 с.

Монография И. В. Булгутовой представляет собой итог многолетнего исследования бурятской поэзии. Пристальное внимание к проблеме функционирования мифосознания в литературе, последовательное изучение мифопоэтики

творчества ряда поэтов позволили исследователю выстроить свою концепцию художественного развития бурятской лирики.

Актуальность исследования несомненна на современном этапе развития бурятского литературоведения, когда требуется целостное осмысление литературного процесса Бурятии и изучение его со всем многообразием методологических подходов. Автор указывает на преобладание социологического метода в бурятском литературоведении советского периода, когда «литература рассматривалась прежде всего как отражение социальных процессов, происходящих в обществе». Предпринятая «попытка представить целостный взгляд на развитие бурятской поэзии второй половины XX — начала XXI в. через призму мифознания» позволит наметить новые перспективы в бурятском литературоведении.

Автором охвачен значительный пласт бурятской поэзии — от народных песен, поэм Н. Балдано и Н. Дамдинова середины XX века до поэзии рубежа XX–XXI вв. Преимущественно же интерес исследователя обращен к творчеству поэтов, создавших яркие образцы философской лирики, — в монографии рассматриваются поэтические системы Д. Улзытуева, Л. Тапхаева, Б. Сыренова, Г. Раднаевой, Н. Нимбуева, Б. Дугарова, впервые в бурятском литературоведении дан подробный анализ творчества Р. Шоймарданова.

Безусловную ценность в книге представляет последовательное обращение к поэтическому тексту с подстрочным переводом, выполненным самим исследователем. Чуткость к поэтическому слову позволяет уловить значимые нюансы смысла при рассмотрении национальной картины мира, создаваемой в произведениях бурятской лирики, например анализ лексики, связанной с темой космоса (с. 45). В исследовании неоднократно подчеркивается сохранность архаической образности в языке, автор отмечает: «В основе художественного мышления бурятского народа лежит мифологическая картина мира, которая сохранялась на уровне языкового моделирования реальности в самые разные исторические периоды, включая и новейшее время» (с. 3).

В первой главе показано преломление мифологического мышления в бурятской литературе, когда культовые образы небесных предков и легендарные образы исторических деятелей из мифов, легенд и народных песен переходят в художественные произведения, как лирические, так и эпические, сохраняя при этом отпечатки черт мифологического сознания.

Функционирование образов Буха-нойона (Быка) и праматери Лебедицы рассмотрено на материале стихотворений А. Ангархаева, Ж. Юбухаева, Б. Дугарова, Л. Тапхаева, Г. Раднаевой, романов Ц. Галанова, В. Гармаева. Прослежена связь сакральных образов с идеей родовой памяти, а также неразрывного единства всего сущего, выявлена преимущественная корреляция обращения к Буха-нойону с идеей, сходной с идеей шаманского призывания, отмечено появление мотива небесной помощи, поддержки, вдохновения, связанного с образом Лебедицы в творчестве Г. Раднаевой.

Переходя к разговору о мифологизации образов исторических деятелей, И. В. Булгутова поясняет: «Определение закономерностей функционирования мифологического сознания в литературе при осмыслении истории является важной задачей при изучении бурятской литературы, в которой происходит в силу исторически обусловленных обстоятельств “стяжение” различных этапов

развития искусства слова» (с. 15). Соответствием архетипической модели объясняется популярность в народном творчестве и литературе образа Шоно батора, чей облик народная память сохранила как незаслуженно гонимого героя и народного заступника. Художественное же сознание XX в. актуализировало мотивы осуждения зависти и воспевания благородства.

Обращение бурятских писателей к образу предводителя Шилдэй Занги трактуется как подсознательное стремление художника вернуться к одному из ключевых моментов национальной истории. Установление границ между империями, сыгравшее роковую роль в гибели реального исторического деятеля, исследователь связывает с «установлением границ между традиционным мирозерцанием и новым историческим мышлением». Таким образом, его «трагическая гибель означает для бурятского народа включение новой парадигмы мышления», и образ Шилдэй Занги в искусстве символизирует переход от одного мировоззрения к другому (с. 31).

Во второй и третьей главах исследуется мифологизм и мифопоэтика в бурятской философской лирике и русскоязычной поэзии бурят.

В творчестве Д. Улзытуева важный для писателя мотив творения связывается с мотивами рождения человека, его судьбы, образами матери, поэта-певца, хронотопом родного края, при этом наряду с образами дома, малой родины возникают мотивы пути и возвращения, активизирующие мифологическую оппозицию «свой — чужой». В реализации темы общности человеческих судеб усматриваются черты мифологического мышления («мышление сопрягающее»), что, возможно, требует более подробного комментария в исследовании. Городские мотивы и образы в лирике Д. Улзытуева показаны как не вполне урбанистические: поэт стремится вписать город в более широкое пространство, а этажи гостиницы может сравнить с тремя мирами национальной мифологии. Значительное место в творчестве поэта занимает тема космоса: здесь, по мнению исследователя, не только важны яркие события научно-технического прогресса, но и сказывается присущее мифосознанию желание постичь космические явления. При этом в творчестве поэта решаются темы жизни и смерти, вечности, проблемы творения, роли человеческого разума.

Натурфилософская концепция творчества Л. Тапхаева рассмотрена в контексте темы макро- и микрокосма в бурятской литературе, реализующейся, в частности, через принцип антропоморфизма, присущий мифологическому мышлению. Показано, как в лирике поэта функционируют идеи изоморфизма человека и планеты, гармонии человека и природы, человека и космоса. Истоки натурфилософии бурятской поэзии возводятся автором исследования к национальной языковой картине мира.

В качестве одной из примечательных черт поэтики Б. Сыренова указывается сдержанность эмоциональной окраски, большая доля внимания уделена функции метафоры в творчестве поэта. Отмечено, что важную роль в лирике Б. Сыренова играют космогонические мотивы, сопровождаемые обращением к образам небесных светил, несущим отпечаток культового отношения.

Творчеству Г. Раднаевой, по мнению исследователя, не просто присущи черты мифологического сознания — в ее случае начинает работать принцип мифотворчества, который становится также и стилеобразующим фактором.

В стихах Г. Раднаевой громко заявляет о себе лирическое «я», а ее мифотворчество проявляется в создании «теплого женского, материнского взгляда на мир». Показана личностная трактовка мифологом национальной культуры, сформулировано понимание мира природы как произведения искусства, выявлен сложный синтез мифологической символики и буддийских воззрений в творчестве поэта.

Творчество Р. Шоймарданова, принадлежащее рубежу веков, названо «необходимым звеном» в цепи преемственности бурятских поэтов, традиций бурятской поэзии, одновременно с этим, отмечает И. В. Булгутова, «неотъемлемой частью его духовного опыта становится русская и мировая поэзия». Исследователь констатирует динамику в жанровой картине творчества поэта, значимость исповедальности, буддийских мотивов, а также субъективно-личностное преломление медитативного начала, характерного для национальной поэзии.

В третьей главе И. В. Булгутова, касаясь проблемы разграничения русскоязычной и русской литературы, выдвигает тезис: «На наш взгляд, постановка вопроса о сохранении и воплощении национальных художественных традиций обоснована в случае двуязычия автора, владеющего как русским, так и родным языком и причастного к традиционной картине мира, моделируемой этим языком». Если же в качестве родного языка осознается русский, то «можно уже говорить о периферийной русской литературе» (с. 99). Данное утверждение отчасти согласуется с позицией Н. Д. Лейдермана, называющего русскоязычным произведение, структурно организованное диалогом между русским и инонациональными моделями мира (см.: Русскоязычная литература перекресток культур // Филологический класс. № 3(41). 2015. С. 19–24). Однако, по Лейдерману, владение автора национальным языком не играет роли, если оно не проявлено в художественном тексте, и, наоборот, «русские стилизации инонациональных миров» могут считаться произведениями русскоязычной литературы. Интересно мнение И. В. Булгутовой о том, что владение языком и причастность к традиционной картине мира обнаруживают себя в произведении помимо воли автора.

В творчестве Н. Нимбуева автор исследования видит попытку преодоления мифологической по своим истокам оппозиции «дисгармоничное городское пространство — идиллическая природа». Рассмотрено функционирование в лирике поэта образов национальной культуры и мифологем, связанных с мотивами отражения и превращения, определен мотив нераздельности субъекта и объекта, присущий мифологическому сознанию. Отдельно отмечена значимость образов: города, звуков и музыки, сердца, других нематериальных образов, связанных с русским и бурятским языками. Даны примеры анализа структуры поэтического образа, а также ритмической структуры основного жанра лирики Н. Нимбуева — верлибра.

Лирику Б. Дугарова, по наблюдению исследователя, отмечает «сознательное обращение к традициям бурятской культуры», большой значимостью обладает переводческая деятельность поэта. В творчестве Б. Дугарова автор определяет «постижение национальной традиции на идейно-тематическом уровне»: так, важными являются архетип дома, тема города, связанная с проблемой конфликта природного мира и цивилизации, концепт «кочевник», константа

«путь». Особое внимание уделено рассмотрению анафорического стиха и в целом многообразию жанров в лирике поэта.

В заключение автор отмечает, что в начале 21-го столетия бурятская литература становится преимущественно русскоязычной, в связи с чем говорит о необходимости осмысления этого факта литературным сообществом и ставит вопрос об актуальности проблемы сохранения этнического своеобразия литературы. Таким образом, И. В. Булгутова не только определяет уникальность бурятской литературы во многом именно функционированием мифологического мышления и сознания, к чему неоднократно возвращается в книге, но и, очевидно, в обращении к мифосознанию видит также возможный путь к сохранению ее самобытности в условиях современного общества.

Композиция монографии, выстроенная от персоналий, позволяет сформировать целостное представление об облике творчества каждого из поэтов. Однако логика изложения зачастую требует большой погруженности читателя в тему исследования, поскольку иногда проследить за ходом мысли внутри параграфа бывает затруднительно. Например, не вполне последовательно обозначена связь жанрового и лексического анализа краткости в творчестве Д. Улзытуева, Л. Тапхаева, Б. Сыренова, Н. Нимбуева, Б. Дугарова с общей идеей функционирования мифологического сознания, хотя, безусловно, сами краткости являются яркими примерами бурятской философской лирики. Кроме того, были бы весьма удобны для восприятия отсылки к предшествующему тексту при возникновении сквозных тем (таковы темы города, одиночества, сновидения, мотивы творчества, буддийские мотивы, образы дома, космоса и др.) и их сопоставительный анализ.

Также можно предположить, что в последующих изданиях монографии интересно было бы поставить вопрос о разграничении мифомышления и мифопоэтики в творчестве бурятских поэтов и сделать попытку отделить собственно мифологическое сознание от художественного, использующего образы и мотивы мифов.

Подводя итоги, необходимо отметить, что востребованность работы И. В. Булгутовой не подлежит сомнению. Исследование мифологизма и мифопоэтики позволило под одним углом рассмотреть творчество очень разных бурятских поэтов по принадлежности к эпохе, поэтическим системам, обращению к бурятскому и русскому языкам и создать авторскую концепцию функционирования мифа и мифосознания в бурятской поэзии второй половины XX в. Книга, безусловно, имеет значение для выстраивания целостной картины истории литературы Бурятии и послужит хорошим подспорьем в ее дальнейшем исследовании. Монография, в частности, глава о русскоязычной поэзии Бурятии, представляет интерес для исследователей литературы народов РФ, работа отражает современные подходы литературоведения, также она может быть рекомендована для использования в учебном процессе в вузе и школе.

*О. В. Хандарова,
кандидат филологических наук*